ставляющих ее. Оппозиция же тяжести служит упорядочению четырех элементов в космосе. Анализ сочинений Хумна показывает, что его мышление в сфере физики, хотя и свидетельствует о некоторых заимствованиях у Платона, тем не менее статично и целиком покоится на качественной физике Аристотеля [16]. Метохит упрекает своего противника в незнании Платона, в упущении одной из важнейших его посылок — количественного аспекта теории элементов, что в конечном счете является следствием недооценки значения математики. Критика Метохита открывает важные перспективы, реализованные наукой, однако лишь в начале XVII в., когда были предприняты попытки решения проблем, поставленных новыми открытиями в области астрономии, которые сразу же выдвинули математику на передний план.

Таким образом, эта идея Метохита была своего рода провозвестницей научной революции XVII в., значительно расширившей применение математических методов в изучении физического мира. Однако Метохит, кажется, не отдавал себе отчета в своем предвидении. Эта мысль — скорее удачный образец полемики и воспроизведение плодотворной идеи платонического мышления, к тому же не проведенной последовательно в других трудах Метохита, в частности в комментариях к сочинениям Аристотеля.

Занятия Метохита астрономией были продолжены его учеником Никифором Григорой. Подобно многим своим современникам, он был широко образован, и предметы квадривиума более всего привлекали его внимание. Григора не оставил каких-либо значительных трудов по математике, но, несомненно, был сведущ в ней, поскольку она составляла основу занятий гармонией и астрономией, которые благодаря его работам были подняты на новую ступень.

Духовная атмосфера того времени хорошо отражена в диалоге Григоры «Флорентий». Автор описывает литературные обычаи своего времени, показывает направление научных интересов. Проблемы, затронутые в диалоге, были, несомненно, живыми вопросами времени, волновавшими общество и разделявшими мыслителей на партии. В споре двух философов, под которыми автор подразумевает ученого монаха Варлаама Калабрий-{364}ского (в диалоге он назван Ксенофаном) и себя (под именем Никагора), решаются научные проблемы, столкнувшие византийских и западных ученых. Примечательно, что состязание сторон начинается с предметов, относящихся к области астрономии: указав на гороскоп, Никагор предлагает Ксенофану определить час дня и положение планет по отношению к зодиаку (*Greg.* Fior. P. 87). Неуклюжий ответ Ксенофана вызывает единодушный хохот всего собрания.

Варлаам Калабрийский обучался в Италии, поэтому, несмотря на свое греческое происхождение, автор воспринимал его как представителя западной образованности. Каких бы вопросов ни касался в споре Никагор, его противник всякий раз оказывался в затруднительном положении. Особенно очевидным его невежество оказалось в астрономии. Для Никифора это неудивительно: ведь Ксенофан воспитывался у латинян, которые «лишь кончиками пальцев касаются внешней двери образованности». Они не изучают ни астрономии, ни большинства других видов мудрости, находящихся в расцвете у эллинов (Ibid. P. 96).

Отношение византийских интеллектуалов к латиноязычной образованности в раннепалеологовский период было пренебрежительным. Этому способствовали и недавнее латинское завоевание, и неутихающие споры вокруг унии церквей. Западноевропейская духовная культура долгое время находилась в стороне от внимания византийских ученых. Самосознание византийцев, считавших себя единственными полноправными наследниками эллинских традиций, слишком долго не допускало мысли, что варварский Запад способен самостоятельно развивать эти традиции и создать свою высокую культуру. Катастрофа 1204 г. укрепила антилатинские настроения. Тем не менее контакты с латинским миром, расширявшиеся в силу исторических обстоятельств, не остались бесследными для византийской культуры.

Одним из важнейших путей проникновения латиноязычной образованности в греческий мир было появление на Балканах францисканцев и доминиканцев, развернувших свою деятельность в захваченном латинянами Константинополе. После реставрации империи при Палеологах латинские монахи были выселены из столицы, однако к началу XIV в. они вновь там обосновались [17]. Двуязычные представители этих орденов, среди которых были и лица греческого происхождения, играли важную роль в делах, связанных с унией. Через них визан-

---

[16] *Verpeaux J.* Nicéphore Chumnos, homme d'état et humaniste byzantin. P., 1959. P. 161.

[17] *Tinnefeld F.* Das Niveau der abendländischen Wissenschatt aus der Sicht gebildeter byzantiner im 13. und 14. Jahrhunderten // BF. 1979. Bd. VI. S. 264.